

ПРОЦЕССЫ АРХАИЗАЦИИ И НЕОЛОГИЗАЦИИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Хапаева С.М.

ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева» (369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29), e-mail: kcsu@mail.ru

Актуальность темы обусловлена как недостаточной изученностью пассивного фонда лексики карачаево-балкарского языка в целом, так и отсутствием исследований, направленных на изучение влияния глобальных интеграционных процессов на сохранение и развитие языков малочисленных народов. Актуальность исследования определяется также отсутствием единого взгляда на проблему дефинирования и дифференциации понятий «архаизм» и «историзм». Объектом исследования выступает лексика пассивного фонда карачаево-балкарского языка. Предметом исследования является семантико-стилистическое описание лексических единиц карачаево-балкарского языка, подвергшихся пассивизации и актуализации. Цель исследования – анализ процессов перераспределения между лексикой активного и пассивного фондов современного карачаево-балкарского языка. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: - выявить экстралингвистические и интралингвистические причины архаизации лексики карачаево-балкарского языка; - классифицировать устаревшие слова по лексическим типам и тематическим группам; - выявить пласт лексических новаций в словарном составе карачаево-балкарского языка. Материалом исследования послужили лексические единицы, извлеченные из произведений художественной литературы, периодической печати и словарей карачаево-балкарского языка. Методологической базой послужили труды по лексикологии А.В. Калинина, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, М.З. Улакова и др. Научная новизна исследования заключается в том, что в ней впервые комплексно рассмотрен и классифицирован не только пласт устаревшей лексики и неологизмов карачаево-балкарского языка, но также и разряд деархаизированной лексики. Результаты исследования свидетельствуют: изменения в словарном составе языка носят системный характер; явления архаизации, деархаизации и неологизации взаимосвязаны; актуально комплексное исследование роли и соотношения внутриязыковых и экстралингвистических факторов в процессе перераспределения между активной и пассивной пластами лексики современного карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: архаизация, деархаизация, интеграционные процессы, пассивизация лексики, неологизация лексики, внутриязыковой, внеязыковой.

THE PROCESSES OF ARCHAIZING AND NEOLOGICAL, WHAT IS HAPPENING AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Khapaeva S.M.

Karachay-Cherkessian State University by A.D. Aliev, Karachayevsk, Russia (369200, Karachay-Cherkessian republic, Karachayevsk, Lenin Street, 29, e-mail: kcsu@mail.ru

The urgency is due to the lack of passive knowledge Foundation vocabulary Karachay-Balkar language in General and the lack of research aimed at studying the impact of global integration processes on the preservation and development of indigenous languages. The relevance of the research is also determined by the absence of a common view on the definition and differentiation of the terms "archaic" and "historicism". The object of research is the passive vocabulary of the Fund Karachay-Balkar language. The subject of research is the semantic and stylistic description of lexical units Karachay-Balkar language, subjected to passivization and updating. The aim of the research is the analysis of processes of redistribution between active vocabulary and passive funds modern Karachay-Balkar language. To achieve this goal the following tasks: -to identify and extralinguistic interlinguistics causes of archaizing vocabulary Karachay-Balkar language; -to classify obsolete word lexical types and thematic groups; -to identify the formation of lexical innovations in the vocabulary of the Karachay-Balkar language. The research is based on obsolete words, extracted from the works of fiction, periodicals and dictionaries Karachay-Balkar language. Methodological basis works on lexicology A. V. Kalinin, V. G. Kostomarov, L. P. Chrykina, M. Z. Ulanova, etc. Scientific novelty of the study lies in the fact that it was first comprehensively reviewed and classified not only a reservoir of obsolete vocabulary and neologisms Karachay-Balkar language, but also the discharge georgianoannis vocabulary. The results of the study show that changes in the vocabulary of the language are systemic in nature; the phenomenon of archaism, diarization and neological related; relevant comprehensive study of the roles and relationships language and extra-linguistic

factors in the process of redistribution between active and passive layers of the vocabulary of modern Karachay-Balkar language.

Keywords: archaism, dearchaism, integration processes, the pacification of the vocabulary, neological vocabulary, vnutrilineinaya, unenigmatically.

Глобальные интеграционные процессы, происходящие на современном этапе, влияют и на протекание языковых изменений, обуславливающих как появление новаций в словарном составе языка, так и архаизацию и деархаизацию определенной части лексики. Динамика языковых трансформаций на сегодняшний день такова, что не позволяет говорить о естественных, обусловленных постепенным прогрессом процессах вытеснения одних номинаций другими. Изменения, происходящие в лексической системе современного карачаево-балкарского языка, настолько значимы и существенны, что они отражаются в языковом сознании его носителей и определяют актуальность исследования этой проблемы.

Общеизвестно, что изменения в словарном составе языка носят непрерывный характер, поскольку язык испытывает воздействие как внутренних, языковых, так и экстралингвистических факторов, чутко реагируя на все явления, происходящие в жизни социума, отражая взаимодействие нового и старого, однако не отказываясь полностью от устаревшего, не исключая его из своего состава. Тезис о том, что новации формируются в языке не путем отмены старого, а путем пополнения, совершенствования старого, – причем новое сосуществует со старым, – подтверждается на всех фактах языка, в частности, на истории и теории и архаизмов, и неологизмов [12].

В словарном составе современного карачаево-балкарского языка протекает целый ряд процессов, обусловленных социально-экономическими и политическими изменениями в обществе конца XX – начала XXI веков, в том числе таких, как, с одной стороны, резкое увеличение лексического состава языка за счет деархаизации и заимствований и, с другой стороны, – переход большого пласта общеупотребительной лексики в категорию малоупотребительных слов.

Причины перехода лексических единиц из категории активного фонда в категорию пассивного словаря лежат в двух плоскостях: внутрилингвистической и внелингвистической.

Одной из внутрилингвистических причин, обусловивших появление устаревших слов, является синонимическая конкуренция, в результате которой одно из синонимических слов уступает место другому [4]: *азырейли – джийиргешли* «безобразный, отвратительный», *малик – билгич; къарагъан* «прорицатель, предсказывающий по ногтям; лекарь», *айгъакъ – белгили – ачыкъ* «явный, очевидный», *айдес – хали* «характер, нрав», *мазар – къабыр* «могила, кладбище», *къыр – тюз* «степь», *къыргъый – субай* «стройный, точёный» и т.д.: *Къыргъый санларынгы джелле, джангурла тарайла* (фолькл.) «Стройную фигуру [твою] омывают дожди, обвевают ветры», *сити балакъа – чий чыбык* «розги»: ...*Ибрагимни*

къатына джетгенлей, афенди, къолунда сипи балакъа бла ойнай, багъанагъа таяныб къарады (Х. Аппаев) «...дойдя до Ибрагима, эфенди стал наблюдать, опершись о столб и поигрывая тонкой лозой в руках».

Помимо этого, к внутриязыковому фактору относятся и процессы расширения или сужения значения слов в результате устранения более специализированных названий.

Основная сфера жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев раньше была связана со скотоводством, что, естественно, нашло отражение в лексической системе языка, в которой бытовало множество терминов, номинирующих домашних животных по определенным признакам (возрасту, масти и т.д.). К примеру, в современном языке функционирует нейтральное обозначение понятия «овца» - *къой*; бытовавшие ранее лексемы *узада* «овца от трёх до четырёх лет», *аллезин* «овечка» и другие устарели и встречаются только в произведениях устного народного творчества: *Кёк джибекден тюйме тюйген аллезин* (фольк.) «Овечка дает голубой шелк для вязания». Устарели также термины с более узкой семантикой *мызанг* «поздний ягненок, рожденный после массового окота», *джюмел* «ранний ягненок, родившийся до массового окота», вытесненные нейтральным обозначением *къозу* «ягненок».

Семантическое поле концепта *уучу* «охотник» включает несколько лексических единиц, составляющих целый тематический ряд: *уучу* «охотник», *мараучу* «охотник, егерь», *тауай* «охотник на медведя», *буучар* «охотник на оленя». Из этого ряда в активном словаре сохранилось нейтральное *уучу*, термины же с более узким значением *тауай* «охотник на медведя», *буучар* «охотник на оленя» и *мараучу* «егерь» перешли в пассивный фонд, сохранившись лишь в фольклорных текстах: *Мараучуну бёркю марал териден* (фольк.) «У охотника шапка из шкуры марала», *Мараучу кирмеген къулакьда кийик кёб* (фольк.) «В ущелье, где охотник не был, дичи много».

Устаревшие слова, вышедшие из употребления в результате внутриязыковых процессов, т.е. архаизмы, в процессе развития языка заменяются другими словами, более понятными и приемлемыми для носителей, устаревшие же наименования переходят в категорию малоупотребительной лексики, например, в современном языке используется переносное значение лексемы *лыхтын* – «крепыш, силач», первичное, терминологическое значение слова «рычаг, вага, жердь» устарело; слово *чериу* «войско» вытеснила лексема *аскер* «армия; войско»: *чериу аскер* «ополчение»; *къан чериу* «вражеское войско; кровный враг» [3], *масхаб* – *джорукъ* «порядок, правило; наставление», *тепшек* – *табакъ* «тарелка, блюдец», *хайрат* – *маулут* «поминки», *хасият* – *энчилик* «особенность», *арам* – *шагъат* «свидетель»: *Ортабызда эмен терек арамды* (фольк.) «Между нами свидетель – дуб» и т.д.

Влиянием внелингвистических факторов обусловлена пассивизация лексических единиц, актуальных для определенных исторических периодов и обозначающих в основном реалии экономических, социально-политических и культурно-бытовых отношений. Эта лексическая группа формируется под номинацией «историзмы» и не имеет синонимов в современном языке: *джортууул* «набег» (с целью угона скота), *зытчыу аскер* «ополчение», *чагъар* «крепостной крестьянин», *айтнакъ* «глашатай», *къодучу* «глашатай», *найыб* «соратник, сподвижник, единомышленник», *кёрдемчи* «человек, переживший эпидемию»: *Къалабек улу Асланбек кёрдемчи Кёгде чаукаланы шок бла атады...* (фольк.) «Калабеков Асланбек, чуму переживший, в небе галок из ружья стреляет...»; *талкъы* «кожемялка», *тулукъ* «мешок из снятой чулком шкуры», *хыджы* «ярлыга», *ыхтау* «печь для сушки зерна на мельнице», *абрек* «абрек, разбойник; изгой» и т.д.:

Ой, Зукку прустоп, джамагъатны джыйыб, былай айтды:

Тилейме, абрек уланланы ичигизге джыйыгъыз,

Гитче хаталары энди уллугъа тебрегенди,

Патчахыбыз эшитмесин, ариу айтыб тыйыгъыз! (фольк.)

«Ой, Косой пристав¹, народ собрав, так сказал:

Прошу [я], абреков-молодцов к себе призовите,

Малые проделки [их] теперь большими бедами становятся,

Пусть царь [наш] об этом не услышит, уговорите их, остановите!»

В языкознании проблема классификации устаревшей лексики до последнего времени остается спорной. Анализ языкового материала позволяет в современном карачаево-балкарском языке выделить следующие типы архаизмов: собственно-лексические (слова, полностью устаревшие и перешедшие в разряд пассивной лексики: *балдыз* «свояченица», *шауай* «торговец» (обычно лошадыми), *ыспыр* – возглас, которым призывают собаку есть, *магъриб* – «запад, западный», *машырыкъ* – «восток, восточный», *инад* – «месть, возмездие» и др.: *Магъриб бла машырыкъны арасында бир зат люу-люу этеди, бир кесекни ичине сау дунягъа джетеди* (фольк., загадка) «Между западом и востоком трепещет нечто, за одно мгновение весь мир обходит» (отгадка: сердце) и т.д.); лексико-словообразовательные (слова, в которых устарели аффиксы: *байлау* – *байлам* (гр.) «союз», *сёзлеме* – *сёзлюк* «словарь», *келемен* – *келиу* «приход», *кетемен* – *кетиу* «уход», *беремен* – *бериу* «давать», *балакай* «дитя, дитяtko», *бурхукай* «кроха», *ёледжек* от *ёл* «смерть», *береджек* от *бер* «дать»:

¹ *Зукку прустоп* «Косой пристав» – прозвище начальника Эльбрусского военного округа генерал-майора Николая Георгиевича Петрусевича, при котором в 1868–1870 годах проводились отмена крепостного права и земельная реформа. Н.Г. Петрусевич, прекрасно владевший карачаево-балкарским языком, пользовался большим уважением среди горцев. Позднее он был переведен в Среднюю Азию, где погиб во время военной операции. Узнав о его смерти, карачаевцы Баталпашинского уезда за свой счет снарядили делегацию в Среднюю Азию, привезли оттуда тело Петрусевича и похоронили в станице Баталпашинской.

Кеси ёледжек, сеннге не береджек? (фольк.) «Он сам смертный, что тебе может дать?», *башиламыш* от *башила* «начать», *джаламиш* «скряга» от *джала* «лизать» и т.д.); лексико-семантические (в которых устарело одно из значений слова: *хыртлау* «катание войлока в циновке», *къала* «город», *тылмач* «словарь», *къызтана* от *къыз* «девушка, девушка» и *тана* «перламутр, жемчуг» [8]: *Къызым, къызым, къызтана, къызыма келсин джюз тана...* (фольк.) «Девочка [моя], девочка [моя], девочка – жемчужина, пусть за [мою] девочку дадут сто телят» и т.д.; эти и другие лексико-семантические архаизмы в современном языке активно используются в иных значениях, напр., слово *хыртлау* - в значении «критиковать», *къала* – в значении «крепость», *тылмач* – в значении «переводчик» и т.д.); лексико-фонетические (имеющие отличия от современных вариантов тех же слов в фонетическом облике корня: *шым* – *шумалакъ* – *шум* «молчание», *кампет* – *конфет* «конфета», *палтон* «пальто», *абчар* «офицер», *гъалим* – *алим* «ученый», *балинса* «больница», *шеригъат* – *шериат* «шариат» и т.д.).

Классифицируя устаревшую лексику по степени архаизации, и при этом учитывая, помимо прочих признаков, факты употребительности и понятности, а также характеризуя ее с темпоральной точки зрения, выделяют слова, вышедшие из употребления еще в древние времена, так называемые «древние», «отмершие», «забытые» слова или «некротизмы», и слова, перешедшие в пассивный фонд языка относительно недавно – устаревающие слова. К первой группе можно отнести такие слова, как *къалкъан* «шлем» (балк. «щит»), *сырпын* «волшебный меч», *думада къама* «кинжал» (разновидность кинжала), *дорбасын* «праща», *аталгъы* «топор» (с поперечным лезвием), *мечукъа* «ружьё», *къауал* «дробовик; ружье» (без нарезки), *къюбе* «кольчуга, панцирь, латы»: *Кюбе кийген келир, кебин кийген келмез* (фольк.) «Тот, кто наденет кольчугу, вернется, а тот, кто наденет саван, не вернется», *табут* «гроб», *батагъа* – в древнем Карачае место для проведения сходок, сборов, *джор* «крест», *бегенд* – «аренда» (земли), *гулос /кулос* «держак, ручка сохи», *келеджек* «будущее, грядущее, предстоящее», *кетеджек* «прошедшее, прошлые времена», *дууана* «дьявол», *шортман* «языческая обрядовая молитва» и т.д. Ко второй категории слов мы можем причислить следующие лексемы: *джулургъа* «искупить» (вину), *зийдан* «темница, яма», *шекел* «вид, облик, подобие», *дёнгерге* «разочаровываться, потерять интерес»: *Бек джанган дженгил джукъланыр, бек суйген дженгил дёнгерир* (фольк.) «Что слишком ярко горит, быстро затухает, кто слишком сильно любит, быстро разочаровывается (остывает)», *лакин* (союз) «однако, но», *олий* «ученый, эрудит», *чуба* «корсет», *чууана* «возвышение», *чырахтан* «подсвечник, светец для лучины», *эмилдеш* «кормилица; молочный брат или сестра», *салта* «молот, кувалда», *мысхал* «золотник» (мера веса ≈ 4.26 г.) и т.д.

В современном дискурсе историзмы и архаизмы выступают как средство художественной выразительности, придают тексту эмоциональность, яркую образность, создавая тем самым неповторимый колорит описываемой эпохи: *абрек* «разбойник», *ахтигер* «балаган, лачуга», *гыл* «мзда, выгода», *дигиза* (карач.) «няня, кормилица», (балк.) «женщина, обслуживающая молодую невесту», *джелтек* «парус», *томпакъ* «бронза» и др.: *Алымчы, чычханны марагъан киштикча, алтын къамалыдан бир гыл юзерге хазыр болуб турады* (Х. Аппаев) «Алымчи (этно., распорядитель на танцах, собиратель выкупов) как кот, выслеживающий мышь, приготовился урвать побольше у хозяина золотого кинжала».

Процесс устаревания лексических единиц не является окончательным: часть архаизированных слов вновь возвращается в активный фонд языка, т. е. происходит лексическая деархаизация.

Возвращение в активное употребление устаревших слов, перешедших в XX веке на периферию лексической системы языка – явление, характерное до такой степени для нашего времени, что позволяет, перефразировав высказывание Полякова Л.В., выдвинуть предположение о том, что процесс модернизации современного карачаево-балкарского языка – не столько «русификация», сколько преобразование собственной архаики [7].

Переход слов из пассивного словаря в активный сопровождается определенными семантическими изменениями, с сохранением при этом предметно-логического плана лексических единиц. Изменения касаются снятия указания на принадлежность обозначаемой реалии прошлым временам, а также замены темпорально-стилистической семы «устаревшее» на сему «современное»: *фирма, биржа, бакалавр* и др. [11]. Однако в ряде случаев отмечаются значительные семантические трансформации, которые приводят к семантической модификации (*келечиле* «представители, посланники», *сууаблыкъ иши* «благотворительность» и др.), иногда – к семантической деривации (*кёрмюч* «выставка», *джармалыкъ* «ярмарка» и др.).

Основные функции деархаизированной лексики в речи заключаются, большей частью, в использовании их с целью воссоздания реальной исторической обстановки, а также в качестве средства экспрессивного выражения и эмоционального воздействия, так как с архаизацией слова изменяется его функциональная ориентированность в тексте, диапазон вариативности его стилистических функций, его роль в характере выражения семантической доминанты того или иного текста [10].

Деархаизированные лексические единицы можно распределить по следующим группам:

1) обозначения реалий юридической, социально-экономической и других сфер жизни: *осуй* «опекун, попечитель», *орис* «наследник», *асаба* «наследник, преемник», *тереке*

«наследство; имущество, оставленное в наследство», *къаза* «наказание», *сиясат* «политика», *мизам* «порядок», *къурамаат* «суша», *барлакъ* «залежь, целина»;

2) конфессиональная лексика, долгое время бывшая под запретом и ставшая в конце XX века одним из источников пополнения активного словаря, а также слова, обозначающие морально-нравственные понятия: *керамат* «рай, райский», *къадаар* «судьба, рок, предначертание», *мархамат* «милость, милосердие», *фарыз* «непреложная обязанность, долг», *тарикъат* «праведная жизнь», *шапагъат* «заступничество, милость», *мусафир* «странник»: *Мусафир болмай, муслиман болмаз* (посл.) «Не став странником, не станет мусульманином» (имеется в виду паломничество в Мекку и Медину). Таким образом, деархаизированные лексические единицы пополняют словарный состав языка и отражают динамические процессы, связанные с общественными изменениями, имевшими место на рубеже XX – XXI веков.

Трансформации, происходящие в процессе развития современного карачаево-балкарского языка, как было сказано выше, в основном связаны с перемещением лексических элементов из периферийных сфер языка в центр системы. Помимо деархаизированной лексики к таким элементам относятся жаргон, разговорные элементы, просторечия, терминологическая и профессиональная лексика, вливающиеся в литературную речь, в язык средств массовой информации из художественной литературы, фольклора, так называемой «маскультуры», и объединяющиеся по признаку стилевой сниженности в сравнении с нейтральным уровнем литературного языка [11].

Основной чертой современного дискурса является функционирование общего жаргона, определяемого и как «языковое образование, которое не просто занимает промежуточное положение между собственно жаргонами (скажем, тюремно-лагерным, воровским, нищенским и др.), с одной стороны, и литературным языком, с другой, но и активно используется носителями литературного языка в неофициальной обстановке» [5], и как «жаргонизмы, используемые в средствах массовой информации и в речи образованных слоев населения» [9]. В рамках общего жаргона наиболее часто встречаются такие слова, как *разборка, тусовка, круто, классно, классный* и др. Эти и подобные слова в настоящее время имеют широкое хождение и в языке СМИ, и в речи чиновников и представителей интеллигенции: *мобильник* – мобильный телефон, *боевик* – террорист, *силовик* – руководитель силового министерства и т.д. [2].

Для номинации новых реалий, появляющихся в жизни, лексическая система языка постоянно пополняется новыми единицами, известными первоначально лишь ограниченному кругу лиц и сохраняющими ощущение новизны для носителей языка, т.е. неологизмами [6].

Взаимосвязанность процессов архаизации и неологизации и обусловленность этих процессов внутриязыковыми и внеязыковыми факторами делает целесообразным выявление источников пополнения этих лексических групп, наиболее существенным и социально значимым из которых в лексической сфере современного карачаево-балкарского языка выступает процесс заимствования, обусловленный необходимостью введения новых понятий, не имеющих адекватного лексического соответствия в карачаево-балкарском языке, при этом одним из главных источников заимствования является русский язык, за счет фондов которого идет в основном обогащение карачаево-балкарского языка. Для ликвидации концептуальных лакун на современном этапе развития словарный фонд карачаево-балкарского языка активно пополняется также заимствованиями из европейских языков, связанными, в первую очередь, с наукой, техникой, с социально-политической, экономической и культурной сферами жизни и ориентированными не на выражение экспрессивности, а на выполнение номинативной функции: *интернет, компьютер, сайт, бизнес, экономика, дефолт, фирма, маркетинг, шопинг, таможня, кастинг, ток-шоу* и т.д.: *КъЧР-ны сабий омбудсменини башчылыгыы бла Реабилитацион аралыкъда социал учреждениеледен сабийлеге мастер-классла бардырылдыла, ахырында бары да флеш-моб теспедиле* («Къарачай», 2014, № 42) «По инициативе детского омбудсмена КЧР для детей из социальных учреждений в Реабилитационном центре были проведены различные мастер-классы, в завершение все вместе станцевали флеш-моб».

Некоторая часть заимствований, напр. такие, как *интернет, компьютер, ипотека* и т.д., благодаря средствам массовой информации в течение короткого времени получают широкое распространение и переходят в разряд общеупотребительной лексики, определенное же количество неологизмов не закрепляется в активном словаре и переходит в категорию устаревшей лексики, к примеру, такие слова, как *приватизация, кассета, дискета, видик* и др.

Соответствие заимствованной лексики основным дифференцирующим критериям отнесения слов к неологизмам (т.е. психолингвистическому – наличию «ореола новизны», хронологическому – временному, указывающему на существование неологизма в определенный период в истории языка и общества, и локальному – функционированию в современном языке в настоящее время) является основным механизмом укоренения чужого концепта в заимствующей лингвокультуре [1]. В процессе освоения неологизма происходят также смысловое преобразование заимствованного понятия, адаптирующее его к существующей системе этнокультурных ценностей в арсенале концептов принимающего языка, и активизация деривационного потенциала заимствованного слова, номинирующего чужой концепт.

Неотъемлемую часть современной языковой картины мира карачаево-балкарской лингвокультурной общности составляют лексические и семантические неологизмы,

основание для разграничения которых дает языковой материал. Лексические неологизмы представляют собой новые производные от функционирующих в языке слов – словарный состав современного карачаево-балкарского языка обновляется не только за счет вливаний из фондов других языков, но также и за счет активизации деривационных процессов на основе собственных средств в рамках аффиксации, причем образование новых слов происходит главным образом по аналогии с уже существующими единицами языка: *учалакъ* «карусели, качели», *аралыкъ* «центр» (информационный, координационный и т.п.), *джергили* (власть) «местная власть», *джердешлик* «землячество» (слово относится к лексическим инновациям в карачаевском компоненте единого карачаево-балкарского языка, в балкарском же компоненте оно входит в активный фонд лексики) и т.д. К категории лексических неологизмов относятся также заимствованные слова, призванные номинировать новые явления, предметы и пр., возникающие в реальной действительности как отражение инновационных процессов в сфере высоких технологий, экономике, науке, культуре, и со временем, утратив флер «новизны», переходящие в разряд общеупотребительной или устаревшей лексики: *интернет, онлайн, маркетинг, смартфон, пресс-конференция* и т.д.

Семантические неологизмы возникают в результате появления новых значений у слов, имеющих широкое хождение в языке, например: *чакъырыу* - 1) вызов, приглашение, и 2) обращение, призыв и т.д.

Помимо общеязыковых, узуальных неологизмов, выполняющих номинативную функцию, в современном карачаево-балкарском языке функционируют и индивидуально-авторские, окказиональные неологизмы, несущие экспрессивную нагрузку. Обусловленные контекстом, эти неологизмы в основном не выходят за пределы конкретного дискурса и очень редко становятся фактами общенародного языка. В карачаевском словесном искусстве версификационные эксперименты отличают творчество Билала Лайпанова, чьи окказионализмы, с одной стороны, заставляют переосмыслить известные слова и выражения, создавая уникальный, только ему присущий мир образов и ощущений, но, с другой стороны, хотя и образуются по установленным законами языка словообразовательным моделям из имеющегося в языке инвентаря, вне контекста читателю не совсем понятны, например: *Кюн-ай-джыл – джылдыз, Кюн-Ай-Джул – Джулдуз, Анг-танг-джан – джандыз, Сокъмак-орам-джол – джолдуз, Сёз – сес, Сёз – макъам, Сёз – къобуз* (Б.Лайпанов). *Кюн* – «день», *ай* – «месяц», *джыл* – «год» + имяобразующая морфема *-дыз* = новообразование с темпоральной семантикой *джылдыз*; далее: «Солнце – Луна – Искупление – Звезда, Сознание (разум) – утро – душа» и – новообразование от *джан* «душа» – *джандыз*, «Тропа – улица – дорога» и – авторский неологизм с пространственной семантикой, образованный от слова *джол* – «дорога» посредством варианта того же аффикса *-дыз* – *джолдуз*, «Слово – чувство, Слово –

мелодия, Слово – гармонь». У того же Б.Лайпанова в другом стихотворении читаем: *Кёзбаучуладан, сёзбаучуладан, ёзбаучуладан сакъланыгъыз, Кертиге, Хакъ кертиге къулланыгъыз* «Остерегайтесь фальшивых, говорливых, ненасытных, Правде, Истине поклоняйтесь». Одно из значений лексемы *кёзбау* – фальшивый, показной, -чу - имяобразующий аффикс, по аналогии с этим словом поэт творит слова: *сёзбаучу* – от *сёз* «слово», *ёзбаучу* от *ёз* «еда, пища». Неодериваты, созданные методом аффиксации творческим дарованием поэта, подобно основной массе контекстуальных неологизмов, когда-либо функционировавших в языке, большей частью остаются в рамках авторских произведений, не имея шанса получить общенародное хождение.

Таким образом, тенденции развития лексической системы карачаево-балкарского языка в последние десятилетия свидетельствуют о взаимосвязанности явлений архаизации, деархаизации и неологизации, отражающих системный характер изменений в словарном составе языка, и необходимости комплексного исследования роли и соотношения внутриязыковых и экстралингвистических факторов в процессе перераспределения между активной и пассивной пластами лексики современного карачаево-балкарского языка.

Список литературы

1. Болов В.М., Процессы обновления русского языка. – М., 2012. – С.79.
2. Калинин А.В., Лексика русского языка. – М.: Флинта, 2012. – С. 248.
3. Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989. - С. 731.
4. Костомаров В.Г., Языковой вкус эпохи. – М., 1994. – С. 96.
5. Крысин Л.П., О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91
6. Крысин Л.П., Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. – М.: Академия, 2009. – С. 117.
7. Поляков Л.В., Путь России в современность: модернизация как деархаизация. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 5.
8. Радлов В.В., Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1905. – Т.Ш. – Ч.1. – С. 823-824.
9. Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1997. – С. 131.
10. Улаков М.З., Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1994. – С. 37-38.
11. Шмелькова В.В., Лексическая деархаизация в современном русском литературном языке. – М., 2010. – С. 127; 119.

12. Шпотова И.В., Стилистическая функция - новый смысл существования лексических архаизмов. – Махачкала, 2003. – С. 15.

Рецензенты:

Алиева Т.К., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой карачаевской и ногойской филологии Института филологии ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск;

Джаубаева Ф.И., д.ф.н., профессор кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск.